

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕЛЕЭКРАНА

Последние годы отмечены пристальным интересом телевидения к классике советского искусства. Вниманием к литературе в первую очередь. Передачи, посвященные крупнейшим писателям, давно и систематически выходят в эфир.

Интересны и передачи «Из золотого фонда ЦТ», посвященные крупным мастерам советского театра. Пока их было немного, но каждая, будь то передача о Цецилии Мансуровой, Юрии Завадском или Софье Гиацинтовой, привлекала внимание, открывала новое и, казалось бы, хрестоматийное материале. Тут все работало на успех: и уникальность съемок, и их, я бы сказал, особая подлинность. Особая потому, что к нашему восприятию личности актера добавлялось некое «чуть-чуть», связанное уже с историей самого телевидения. На глазах творилось чудо нового искусства.

Портреты крупных актеров, уверенно набросанные в новом цикле, — отличное начало. Начало тем более знаменательное, что и герои, и ведущие передачи дали нам еще один серьезный урок уважения к традициям. Центральной фигурой в рассказе Мансуровой о себе и своем творчестве стал Вахтангов, у Гиацинтовой — Станиславский и Немирович-Данченко. И не декларативно, а в пластике актерского слова, актерского жеста, актерской интонации «моделировался», возник образ мастера. И дальше, глубже возникали образы тех, кто в свою очередь некогда сформировал учителя. Возник образ среды — той, в которой от поколения к поколению создавалась наша художественная культура.

Рассказ Гиацинтовой об отце — крупном искусствоведе, о нынешнем Музее имени А. С. Пушкина, в квартире при котором прошли ее детские и юношеские годы, о «художественной Москве» начала века — все слилось в единую, целостную, внутренне динамичную картину. Картина эта органически вобрала в себя и образы крупнейших актеров, современников и партнеров Гиацинтовой, тех, чьи имена составили славу нашего искусства. В первую очередь, конечно же, громадную фигуру Ивана Берсенева. Увы, много ли скажет сегодня это имя большинству телезрителей?

Тут и возникает главный вопрос: не слишком ли мы порой расточительны и «забывчивы»? В частности, по отношению к искусству театра, которое позволяет воссоздать именно на телеэкране, во всеоружии изобразительных и выразительных средств телевидения, портреты больших художников? И не пора ли (не нарушая, разумеется, удачно найденный принцип цикла «Из золотого фонда ЦТ», а опираясь на его достижения) сделать системой передачи, воздающие дань памяти крупнейшим мастерам нашей сцены? Право, нет ли неловкости в том, что мы ухитряемся пропустить даже очевидные по своей значимости и «круглости» даты?

В январе нынешнего года исполнилось сто лет со дня рождения народного артиста СССР Василия Яковлевича Софронова — крупнейшего мастера ленинградского БДТ, одного из организаторов этого выдающегося коллектива. Думается, монографическая передача об актере такого масштаба была бы достойна всесоюзного экрана. Менее года назад неприметно прошло столетие народного артиста РСФСР Владимира Яковлевича Хенкина — уж о нем-то могла

быть прямо-таки «завлекательная» передача, передача-открытие для нового поколения. Где она? Еще одно «забытое столетие» — народной артистки РСФСР Елизаветы Ивановны Тиме.

Словом, нужна простая память. Нужна система. И, конечно же, нужны усилия мастеров телевидения, которых влечет зов памяти, влекут возможности интереснейшего и ответственного жанра — жанра телепортрета, телебиографии. Тут нужно и особое чувство формы, чувство материала, — такое, какое показал Дмитрий Барщевский, какое отчетливо видишь, например, у Николая Субботина, создавшего за короткое время несколько удачных фильмов о мастерах со-

героя, строгое отношение к фактам, к слову, звучащему с экрана. Так родилась часовая телефильм, разделенная на главы, со своими сюжетами, «интригой», динамикой. «Эпиграфом» стал образ старого Петербурга, воспитавшего асафьевские вкусы, познававшего молодого Асафьева с Владимиром Тасовым, который поддержал его в главном — в умении слышать, видеть, понимать, чувствовать искусство, как живую жизнь, а не как систему раз навсегда установленных канонов. Эта связь времен, эти живые отношения Асафьева — критика и ученого с великой русской культурой минувшего столетия, пронесенная им через ответственные годы станов-

должны сегодня знать, не могут не знать самые широкие круги читателей, слушателей, зрителей. Думаю, таким же открытием для многих стала и личность Николая Яковлевича Мясковского, одного из крупнейших симфонистов нашего века. В фильме, основанном на сценарии Н. Пантелеевой, особенно ярко прозвучала тема взаимоотношений Мясковского и Сергея Прокофьева. «Это пример удивительной, бескорыстной, трогательной дружбы и вместе с тем очень критического отношения к творчеству друг друга», — так сказал в тот вечер о двух корифеях советской музыки Е. Светланов. В итоге — крупно, обобщенно прозвучала и тема, если воспользоваться словами одного из писем Прокофьева, «взаимободряющего» действия друг на друга мастеров искусства, перерастая в тему творческого многообразия нашей отечественной художественной культуры, в тему профессиональной и гражданской этики искусства. И это было важно так же, как важна была точность изображения каждого из них, что сумел передать нам.

Итак, есть несколько хороших починов, несколько хороших работ. К ним с чувством огромной радости отношу и телефильм «Незавершенные шедевры», возникший благодаря трудам Геннадия Рождественского и открывающий нам «Игроков» Дмитрия Шостаковича. И вновь выходящие в эфир концерты Давида Ойстраха. Хотелось бы, чтобы труд, начатый теми, кто по-новому прикоснулся к «золотому фонду» советской культуры минувших десятилетий, был продолжен щедро. Тут дел непочтовый край.

Вот, например, советская музыка двадцатых—тридцатых годов, в частности судьба Александра Давиденко и его товарищей, многие из которых учились как раз у Мясковского. Кому, как не телевидению, доброжелательно и взыскательно послушаться в эту музыку, отобрать лучшее, рассказать о поколении людей, вошедших в наше искусство в первые полтора-два десятилетия социалистического строительства. Пишу и думаю о том, сколь могуче выросла в наших представлениях за последние годы фигура Александра Кастальского, крупнейшего и старейшего мастера русской хоровой культуры — учителя Давиденко. Думаю о том, каким открытием для миллионов людей была бы передача об Александре Гольденвейзере, воспитавшем несколько поколений музыкантов, друге Льва Толстого. Как бы прозвучала такая передача из Дома-музея Гольденвейзера в Москве.

Да, долги наши перед теми, кто создавал советскую культуру в минувшие десятилетия, велики. Но велики и возможности телевидения. И очень хотелось бы надеяться, что эти возможности будут реализовываться все шире и полнее. А оттого и наше духовное богатство будет множиться. И богатство выразительных средств самого телевидения, которое ведь и открывается настоящему лишь в поисках, лишь в прикосновении ко всему «золотому запасу» традиций советской культуры.

Василий КИСУНЬКО.

Прикосновение К «ЗОЛОТОМУ ЗАПАСУ»

ветского музыкального искусства.

Перед этими мастерами мы все сегодня тоже в долгу. Конечно, всякий образованный человек слышал имена Бориса Асафьева и Николая Мясковского, Юрия Шапорина и Рейнгольда Глиэра. Называю лишь нескольких — из самого, как говорится, первого ряда. Но часто ли звучат их произведения? Достаточно ли все мы сделали для того, чтобы множество слушателей «вошло» в мир этих крупных художников, строителей и первопродовцев отечественной социалистической культуры? Очевидно, нет. И тем более принципиальными представляются фильмы Н. Субботина «Борис Владимирович Асафьев» и «Композитор Мясковский».

Оба эти фильма названы «фильмами-концертами», хотя «концертного» в них как раз менее всего. Это именно фильмы-портреты, фильмы-биографии — то, что сегодня, на мой взгляд, так нужно телевидению, что должно создаваться в соответствии с хорошо разработанным планом. Фильмы были созданы к столетней годовщине Асафьева и, так сказать, «по следам» столетия Мясковского. В этих фильмах со зрителем беседовали Галина Уланова, Тихон Хренников, Борис Покровский, Андрей Эшпай, Евгений Светланов, Николай Пайко, Владимир Федосеев и другие. Многие. Но главными собеседниками в обоих случаях были история нашего бурного века и судьба большого художника, воплощенная в его музыке, в том универсализме мировосприятия, который был свойствен обоим и дал, в случае Асафьева, вистину возрожденческую фигуру талантливейшего музыканта и ученого.

Принципиальной удачей представляется мне фильм о Борисе Асафьеве. Все началось, пожалуй, с точности сценария, написанного в соавторстве ученицей Асафьева, одним из крупнейших советских музыковедов, доктором искусствования В. Васиной-Гроссман и кандидатом искусствования специалистом по киномузыке И. Шиловой. Выписываю ученые звания не формы ради: за ними — знания, видение каждой частности, каждого поворота судьбы

ления культуры советской, — вот что удалось передать авторам.

В фильме органически слились самые разные выразительные компоненты. Среди них — снятые некогда на пленку фрагменты «Бахчисарайского фонтана» и «Планин Парижа», тех постановок, которые сегодня входят в «золотой фонд» нашей музыкально-театральной классики. Были и кадры ленинградской блокады, во время которой Асафьев написал сотни страниц замечательной работы о русском изобразительном искусстве. Написал, что называется, по памяти ведя свой бой с фашизмом. Тем ярче выглядела современная хроника, запечатлевшая залы Русского музея наших дней.

«Я дорожил своей художественной чуткостью вовсе не в научно — искусствоведческом плане, а как человек, жаждущий познать человеческое и определить, как люди через искусство чувствуют жизнь и познают действительность». Эти слова Асафьева мы услышали в самом начале фильма. Они задали ему своего рода эмоциональный тон.

Авторы картины добились еще одного, столь необходимого и столь редкого в подобных произведениях. Судьба Асафьева предстает на телеэкране не «спрямленной», не торжественным восхождением от вершины к вершине, а исполненной борьбы и страстей. Да, фильмы Н. Субботина еще и пронизаны серьезным чувством истории, вдумчивым отношением к нашему собственному опыту. Вот почему одним из драматических «узлов» фильма об Асафьеве становится краткий рассказ о том, как ударила его, и очень больно, вульгарно — социологическая критика конца 20-х годов. Как этот крупнейший ученый на время отошел от исследовательской деятельности, посвятив себя исключительно музыкальному творчеству. Но фильм показывает и то, как, оставаясь одним из одареннейших советских музыкантов своего времени, Асафьев-композитор продолжал труд Асафьева-ученого. Как творчество Асафьева-музыканта вновь подвинуло на труд Асафьева-исследователя.

Словом, в течение часа перед нами прошла замечательная жизнь человека, которого